

ВЫСТАВКА

Галерея - 2005 - 21 апреля 9.

“рисование я не любил”

Николай Лапшин в галерее «Арт-Диваж»

СЕРГЕЙ САФОНОВ

Исторически так сложилось, что художественная жизнь Петербурга плохо известна в Москве, — если только речь не идет об архитектурном облике города. Исправить эту оплошность второй год пытается столичная галерея «Арт-Диваж», провозгласившая своей главной задачей и выставочной специализацией показ ленинградских художников.

«Я был еще мальчиком, когда мать дала мне свои масляные краски — попробовать писать. Вышло очень ярко и сыро. Еще до реального училища я был отдан в начальную школу барона Штиглица, куда ходил вместе с двоюродным братом. Но рисование таблиц и тушевка так отличались от «моего своего» рисования, так было мучительно, что не привило любви к рисованию. И в реальном училище рисование я не любил, я не мог понять, для чего так долго и так бессмысленно копировать неинтересные орнаменты, и гипсы, и головы. Только в старших классах оживилось мое отношение к живописи, когда я с несколькими учениками стал писать масляными красками натюрморты, и даже удирая с уроков — ездили в Шувалово на этюды».

логике ранних попыток обозначить свой дальнейший творческий путь Лапшин так и не получил формального профобразования, зато в его судьбе была учеба у Билибина, Рылова и Ционглинского. Из предреволюционных произведений в наследии мастера ничего не сохранилось, не считая футуристического холста «Мойка»; он принадлежит Русскому музею и на выставку в небольшой частной галерее, разумеется, не попал. Зато в «Арт-Диваже» показаны многие акварели 1920—30-х годов, не только выдающиеся стилиевую принадлежность Лапшина к холодной питерской графической школе первой половины XX столетия, но и эмоционально окрашенные, говорящие об упоении обликом родного города. Темные фигуры пешеходов и редкие ма-

шины движутся по ленинградским улицам и набережным, люди замирают в созерцании Мойки или памятника Петру I...

Особо надо отметить вклад Лапшина в развитие искусства иллюстрации. Ранние работы Николая Федоровича пропали вследствие случившейся в 1922-м реквизиции квартиры его родителей; однако известно, что в это время он начал сотрудничать в журнале «Жизнь искусства», делая зарисовки-шаржи. Через три года Лапшин стал художественным руководителем журнала «Новый Робинзон»; он же был художественным редактором знаменитых детских журналов «Чиж» и «Еж» (книжно-журнальное наследие Лапшина представлено в экспозиции). В 1933-м Лапшин получил первую премию на международном конкурсе в Нью-Йорке за иллюстрации к «Приключениям Марко Поло». В последующие годы он преподавал, оформлял спектакли, работал художником-конструктором на Ломоносовском фарфоровом заводе. Николай Лапшин скончался 24 февраля 1942 года, на месяц пережив умершую от голода жену. Место его захоронения неизвестно.

Автобиография — точнее сказать, воспоминания — Николая Федоровича Лапшина (1888—1942), очередного реабилитируемого «Арт-Диважем» художника-пестерца, датирована первой военной осенью. Обнаружение уникального документа, надиктованного тяжело больным и окончательно потерявшим зрение автором жене, стало одним из решающих аргументов в пользу нынешнего московского показа работ художника. Пожалуй, главным итогом обращения галереи к наследию Лапшина стала даже не выставка его живописи и графики, но публикация литературного наследия в издании, условно обозначенном как каталог выставки. «Это своеобразный самоотчет без всякой надежды быть услышанным, — считает куратор галереи Ильдар Галеев. — Речь Лапшина спотыкающе сбивчива и временами нелогична, она странным образом напоминает камеру Ларса фон Триера, датского «догматика», — без штативов и монтажа. Множественность самоповторов усиливает ощущение лихорадочной бредовости и безумства происходящего, когда один из самых деидеологизированных и аполитичных художников эпохи становится жертвой столкновения двух по сути родственных тоталитарных идеологий». Конечно, эти слова в большей мере относятся к тем страницам, на которых повествование касается обстоятельств предвоенной жизни. Вопреки кажущейся

Этой работы Николая Лапшина зрители не увидели, потому что она написана на обороте другого пейзажа («Площадь декабристов». 1930)